

Светлана Щербакова

Родилась в 1968 году на Алтае, росла и училась в Омске. В 1991 году окончила факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В качестве журналиста и редактора работала на радио и телевидении, в печатных и интернет-изданиях в Нальчике, Омске, Ханты-Мансийске. Была пресс-секретарем, руководителем пиар-отдела федеральной страховой компании «Югория».

С юности писала стихи – для себя. Прозу начала писать несколько лет назад. Рассказы периодически публикует в соцсетях.

Последние двадцать лет живет в Ханты-Мансийске.

Исчезновение

Мир был прекрасен и добр. Но однажды мне исполнилось семь лет. И практически одновременно случились две большие неприятности. Я пошла в школу. И появился Он.

Будто мало мне было дурацкого чистописания! Совершенно бессмысленное занятие – сто раз подряд рисовать противные закорючки. Ладно бы хоть разные. Так ведь нет – ОДИНАКОВЫЕ. Хвостик туда, палочку сюда. Зачем?!

А чтение? Эти тупые «Мама мыла раму», «Зина варит кашу». Я к тому времени уже прочла тыщу книг (ладно, вру, немного меньше). И смотрела на одноклассников со снисходительной жалостью. По скорости чтения я опережала даже учительницу, чего она простить не могла и на чистописании радостно ставила мне, отличнице, тройки. Поджимала губы: «Это исключительно авансом, хотя ты заслужила двойку. Ах, как неопрятно, ты же девочка, старайся».

Обижалась я до слез! Потом старалась. Но гадкие закорючки все равно походили на раздавленных гусениц. И противно хихикала врагиня, задавака Лилька, у которой была идеальная пропись – пример всем нам, неидеальным.

Да, мир оказался жесток и несправедлив, а тут еще Этот. Мне сказали, что теперь я – старшая сестра, нянька, помощница и вообще.

– Да с чего бы? – вежливо поинтересовалась я.

Не вслух, конечно. Впрочем, мое мнение все равно никого не интересовало. И началось: сходи за молоком, принеси бутылочку, найди соску, покачай брата.

Он мне был абсолютно не нужен. У меня была своя жизнь – хорошая, спокойная, интересная. С книгами и мультиками, с девичьими секретами и подружками,

с тайной влюбленностью в соседского Костю и затаенной враждой с Лилькой. Брат не вписывался. Нет, вот если бы он был старшим! Защищал меня, утешал, дарил подарки, давал советы. А младший... Никчемное и в целом не особо приятное существо.

Однажды брат исчез.

Все было как обычно. Я сидела в кресле, читала книгу. И как бы присматривала за трехмесячным младенцем. Он лежал на родительском диване в нашей единственной комнате и пытался облизать пятку. Фу!

В экстренном случае – описался, обкакался, громко орет – мне надлежало срочно звать маму. В остальных случаях – справляться самой. Мать не дергать, потому что быстро приготовить голубцы, пирог и два салата – это «еще тот цирк». На кухне что-то грохотало и шипело, мамина «холера ясна» сотрясала основы Домостроя, братец мирно кряхтел на диване. Но мне все это было безразлично. Я летела на остров Нетинебудет вместе с Питером. Ах, почему я не Венди!

Мои раздумья на предмет, где бы найти фею, прервали странные мамины слова:

– Митя где?

Я посмотрела на диван, брата на нем явно не было. Не было его также на полу, на столе, на шкафу и на подоконнике. Даже если предположить, что грудничок вдруг научился ходить, как бы он мог уйти из запертой квартиры? И тут меня осенило! Чудо! К нам прилетал Питер! Жаль, но меня он с собой не взял. Я же взрослая.

– Мама, я знаю! Он улетел!

Мама побледнела, охнула и кинулась к окну, затем на балкон. Посмотрела вниз, потом побегала по квартире и хлопнула входной дверью. Минут через десять она вернулась, схватила меня за плечи и начала трясти:

– Что ты с ним сделала? Он упал в окно? Кто-то забрал его? Цыгане? Это ты?! Нет?

У нее было несчастное, испуганное лицо. Я честно объясняла ей: Питер Пэн, остров, Митя вернется, главное, не закрывать окно. Но она не слышала меня и кричала, кричала...

Именно тогда я поняла, что мама отнюдь не всесильна и не всеведуща. Скорее наоборот. От осознания этого печального факта я горько заплакала. Еще мне было страшно за Митьку – а вдруг его убьют пираты?

Родители мужа должны жить в Калининграде. При условии, что мы – во Владивостоке. Тогда в семье гармония и полное взаимопонимание.

А когда они живут с тобой в одном городе, да еще и любят неожиданно зайти в гости... Короче, свекры собрались навестить внуков. Какая радость, давно не виделись – целых три недели.

Я поставила пирог в духовку, салаты в холодильник и пошла посмотреть, как там дети. Иринка, как обычно, устроилась в кресле и читала. А Митя... Мити на диване не было. Я растерянно оглядела нашу небольшую комнату: в кроватке и рядом с Ирой его тоже не было.

– Ира, ты куда спрятала братика? – спросила я. – Ира! Где он?

Дочь непонимающе хлопала глазами.

– Митя где?! – повторила я.

Ира вдруг забила в ладоши и засмеялась:

– Мама! Он улетел!

Следующие полчаса я помню плохо. Я металась по квартире, открывала шкафы и ящики стола. Зачем-то полезла под ванну. Побежала на улицу, испугала соседок.

«Цыгане! – почему-то пульсировало в моей голове. – Бабушка рассказывала, они детей воруют». Но как? Дверь была заперта. Ира! Она что-то видела. Я спрашивала ее, но она несла какой-то бред и совала мне книжку с мальчиком на обложке.

Я сходила с ума, не могла же я поверить, что моя дочь... Нет, нет!

И тут...

Да, тут я заорал. Во-первых, надоела их истерика. Во-вторых, я захотел есть. Сегодня я научился переворачиваться и был очень горд собой. Правда, при этом забыл язык птиц, но так уж устроен наш мир. Солнечный луч нахально мешал мне обдумывать теорию пульсирующей вселенной, поэтому я перевернулся и закатился в узкую щель между диваном и стеной. Там было немного пылино, зато темно и уютно. Если бы не кошмарный шум, я бы точно разобрался с гипотезой Римана.

Короче, я заорал, был извлечен из уютного логова, затискан, зацелован и накормлен под всхлипы сестры и причитания мамочки. Эх, бабы!

А с Питером я лететь отказался еще прошлой ночью. Мне и здесь хорошо. Жаль только, что забываю с каждым днем все больше и больше...

Две с половиной секунды

Когда во втором классе я самостоятельно записалась в секцию плавания, родители удивились: была я полновата и неспортивна. А я почувствовала себя особенной,

ведь брали далеко не всех. И бассейн стал моим миром на долгие годы.

Я любила плавать. Ощущать упругость воды, делать изящные повороты-сальто и ласточкой прыгать с тумбы. Мне нравились длинные душевые и просторные раздевалки, поездки на сборы и в летний спортлагерь. Нравились ребята из группы – не такие расхлябанные и болтливые, как одноклассники.

Но больше всего я любила соревнования. Под звуки песни про героев спорта мы выходили на парад и выстраивались вдоль бортиков.

Представьте: застывшая голубая чаша бассейна, судьи в белоснежных рубашках с секундомерами в руках и много мальчиков и девочек – стройных, гибких, красивых.

Звучат приветствия, объявлен регламент, и первые пловцы по свистку встают на тумбы. Резкий выстрел стартового пистолета, водная гладь взрывается десятью стремительными потоками. Мы кричим и болеем за своих.

Все мы хорошо плаваем четырьмя стилями, но у каждого есть основной. Я – спинистка и весьма горда этим. В команде нас всего двое: я и перворазрядница Инна. Она старше меня на год, и ей, веселой кудрявой кокетке, все легко удается. Еще она явно нравится баттерфляйщику Славе, предмету моих тайных грез и слез.

В двенадцать лет у меня было всего два заветных желания: выполнить первый взрослый разряд и победить Инну на ее «короночке» – двести метров на спине. Может, тогда и Славик...

Но она никак, никак не побеждалась! Всегда опережала меня на две с половиной секунды. Всегда. Это очень много.

Тренер про меня говорил: «Способности, конечно, весьма средние, гибкости вообще нет, плюс склонность к полноте. Но какое упорство!»

И я придумала план.

У нас, спортивной надежды страны, было жесткое расписание. В шесть тридцать – первая тренировка, потом школа, обед, в пятнадцать тридцать – вторая, часа на три, вечером на исходе сил – домашка и сон.

Мы с папой начали вставать на полчаса раньше и бегать кросс до бассейна.

Еще он повесил мне в дверном проеме турник. До того я подтягивалась на кухонном шкафу и в конце концов обрушила его вместе с посудой. Мама акт вандализма пережила стоически, но заявила, что она тоже меня поддержит. Отныне в нашем доме запрещена любая выпечка, на чем, собственно, давно настаивал тренер.

Запрет мама, кстати, нарушала, но исключительно в мое отсутствие. Лишь по запахам догадывалась я об уничтоженных коварными родственниками блинчиках и драниках. И лопала полезную гречку с диетической куриной котлетой, запивая несладким чаем.

«Все-таки детство должно быть каким-то более радостным», – думала я, засыпая.

А перед глазами плескались голубые дорожки, дельфином взлетал над водой Славик и рука Инны опережала мою на касание.

На областные соревнования я шла как Леонид на битву под Фермопилами. Со щитом или на щите. Мы с Инной стартовали на соседних дорожках и вровень продержались всю дистанцию в двести метров. На последних двадцати пяти я стиснула зубы и добавила скорости.

Судьи будут к нам строги,
Но в конце концов, поверьте,
Скажут нам, что мы – боги,
Скажут: «Молодцы, черти!»¹

¹ В рассказе использован текст песни «Герои спорта».

Так я пела, нет, скорее скандировала, задавая темпоритм гребкам. Я очень любила эту песню.

Перед глазами заплясали финишные флажки. Мельница. На глубоком вдохе – максимальная скорость, руки мелькают в воздухе как лопасти, последний стремительный взмах, ладонь впечатана в бортик. Все, выдох. Главное, теперь не утонуть. Шутка.

Я быстро посмотрела направо: рука Инны еще только летела к бортику. Победа была полной! Я выполнила первый взрослый с хорошим запасом и опередила Инку почти на секунду. Правда, она сказала, что решила не напрягаться, дать мне хоть разок победить, поэтому, мол, плыла спокойно – пузырьки пускала. Но кто бы ей поверил? Уж не я точно!

На следующий день мне доверили начинать смешанную эстафету вместо Инны, так решил тренер. Я опять пришла первой, можно сказать, обеспечила победу команды. И поймала заинтересованный взгляд Славы. Значит, все не зря!

Перед награждением побежала в раздевалку переодеться в сухое. За дальними шкафчиками кто-то давился рыданиями. Вообще, не уважаю эти сопли и слюни. Но решила глянуть, кто там такой несчастный. Оказалось, Инна. Сочувствовать ей я не могла и не хотела, поэтому довольно резко спросила:

– И чего ты ноешь? Ты сколько раз меня побеждала, я не плакала.

– Ни черта ты не понимаешь! У меня потолок, тренер сказал, – всхлипнула Инна.

– Это как?

– Мне скоро четырнадцать. Они говорят, в самом лучшем случае я добыюсь кэмэсса. И то не факт. Хоть затренируйся – на Олимпиаду мне точно не попасть. «Потенциал исчерпан!» – передразнила она тренера. – Семь

лет! С утра до ночи семь лет вкалывала! Зачем?! Плечи как у мужика, кожа вечно шелушится от хлорки. В школе еле на тройки тяну. И что? «Ах, Инночка такая способная, вырастим чемпионку...» Вырастили!

Инна снова заплакала.

Через два месяца Инна поругалась с тренером и ушла из плавания навсегда. Перед этим она неплохо выступила на первенстве России, напоследок «сделала» меня на любимой дистанции на две с половиной секунды.

А я... Я разлюбила вкус победы и потеряла интерес к разрядам. Для любого спортсмена это – конец карьеры. Можно побеждать и без способностей, но нельзя без желания победить. Славик тоже мне как-то резко разонравился и напоминал уже не дельфина, а мороженую камбалу.

Свой потенциал я исчерпала, видимо, еще лет в семь-восемь. Но упорство, радость плавания и побед позволили мне идти дальше.

В свои тринадцать я покинула большой спорт. На память он оставил мне два бесценных подарка: любовь к плаванию в любых водоемах и нечто сильное и высокое, что мне трудно сформулировать. Может быть, так: «Надо побеждать честно. Надо жить на свете ярко. Сложат и о нас песни...»